II. КОНСТИТУЦИОННОЕ, АДМИНИСТРАТИВНОЕ И ФИНАНСОВОЕ ПРАВО

Информация для цитирования:

Брюхина Е. Р., Третьякова Е. С. Права женщин в контексте универсальных, региональных и национальных (российских) стандартов и механизмов защиты прав человека // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2021. Вып. 53. С. 516–539. DOI: 10.17072/1995-4190-2021-53-516-539.

Bryukhina E. R., Tretyakova E. S. Prava zhenshchin v kontekste universal'nykh, regional'nykh i natsional'nykh (rossiyskikh) standartov i mekhanizmov zashhity prav cheloveka [Women's Rights in the Context of Universal, Regional and National (Russian) Standards and Mechanisms of Human Rights Protection]. Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki – Perm University Herald. Juridical Sciences. 2021. Issue 53. Pp. 516–539. (In Russ.). DOI: 10.17072/1995-4190-2021-53-516-539.

УДК 342.7 – 055.2

DOI: 10.17072/1995-4190-2021-53-516-539

ПРАВА ЖЕНЩИН В КОНТЕКСТЕ УНИВЕРСАЛЬНЫХ, РЕГИОНАЛЬНЫХ И НАЦИОНАЛЬНЫХ (РОССИЙСКИХ) СТАНДАРТОВ И МЕХАНИЗМОВ ЗАЩИТЫ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

Е. Р. Брюхина

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» Пермский филиал

E-mail: erbruhina@hse.ru

Е. С. Третьякова

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» Пермский филиал

E-mail: etretyakova@hse.ru

Поступила в редакцию 20.12.2020

Введение: статья посвящена проблеме прав женщин в контексте универсальных, региональных и национальных стандартов прав человека. Рассмотрено понятие и значение стандартов прав человека для современного мира, общества и отдельных государств, отмечен их универсальный с позиции как субъектного состава, так и территории действия характер. Проведен анализ универсальных и региональных стандартов прав человека, в том числе с точки зрения их соотношения с соответствующими системами. Непосредственное внимание уделено правам женщин как уязвимой категории субъектов, их юридическому оформлению, обеспечению, типичным нарушениям и защите как на уровне национальной юрисдикции, так и в основных международных механизмах защиты прав. **Цель:** исследование прав женщин в контексте универсальных, региональных и национальных (российских) стандартов и механизмов защиты прав человека. **Методы:** общенаучные, частные, методы правовой науки – формально-юридический, сравнительно-правовой. **Результаты:** исследована система международных (универсальных и региональных) стандартов прав человека, дана их характеристика, определено значение, в том числе в рамках соотношения, и юридическое оформление. Охарактеризована система юридического оформления институции прав женщин в контексте международных стандартов, исследованы проблемы их реализации, обеспечения и защиты посредством основных механизмов защиты прав человека различного уровня, про-

анализирована практика механизмов защиты Управления Верховного комиссара ООН по правам человека, Комитета ООН по ликвидации дискриминации в отношении женщин, Европейского суда по правам человека, российских судов. **Выводы:** основными проблемами в ходе реализации прав женщин, имеющими сквозной характер, являются применение насилия и дискриминация в трудовых отношениях, именно им, как на уровне международного сообщества, так и в национальных правовых системах, в том числе России, целесообразно уделять основное внимание.

Ключевые слова: международные стандарты прав человека; универсальные и региональные системы защиты прав человека; права женщин; механизмы защиты прав женщин; Комитет по ликвидации дискриминации в отношении женщин (КЛДЖ); гендерная дискриминация; Постановления Европейского суда по правам человека; нарушения прав женщин в российской правовой системе

WOMEN'S RIGHTS IN THE CONTEXT OF UNIVERSAL, REGIONAL AND NATIONAL (RUSSIAN) STANDARDS AND MECHANISMS OF HUMAN RIGHTS PROTECTION

E. R. Bryukhina

National Research University 'Higher School of Economics' – Perm Branch
E-mail: erbruhina@hse.ru

E. S. Tretyakova

National Research University 'Higher School of Economics' – Perm Branch
E-mail: etretyakova@hse.ru

Received 20.12.2021

Introduction: the article deals with women's rights in the context of universal, regional, and national standards of human rights. We discuss the concept and significance of human rights standards for the modern world, society and individual states; highlight their universal character both in terms of the parties involved and the territory they cover; perform the analysis of universal and regional human rights standards, including in terms of their correlation with the respective systems. The main focus of the paper is on the rights of women as a vulnerable category of persons at law, legal formalization and legal framework of these rights, typical violations and protection both at the level of national jurisdiction and in the main international mechanisms of rights protection. **Purpose:** to research women's rights in the context of universal, regional and national (Russian) standards and mechanisms of human rights protection. **Methods:** general scientific methods, special scientific methods, methods of legal science – formal legal, comparative legal methods. **Results:** we have studied the system of international (universal and regional) human rights standards, defined their characteristics, determined their significance. The paper describes the system of the women's rights legal formalization in the context of international standards, examines the problems connected with the enjoyment, securing and protection of these rights through the main mechanisms of human rights protection at various levels; analyzes the practice of the protection mechanisms application by the Office of the UN High Commissioner for Human Rights, the UN Committee on the Elimination of Discrimination against Women, the European Court of Human Rights, Russian courts. **Conclusions:** the main problems that accompany the exercise of women's rights are the use of violence and discrimination in labor relations. These issues demand special attention both at the level of the international community and in national legal systems, including that of Russia.

Keywords: international human rights standards; universal and regional systems of human rights protection; women's rights; mechanisms of women's rights protection; Committee on the Elimination of Discrimination against Women; gender discrimination; Rulings of the European Court of Human Rights; violations of women's rights in the Russian legal system

Введение

Права человека – одна из основополагающих ценностей современной мировой цивилизации, юридически оформляемая на различных уровнях – международно-правовом и национально-правовом, являющаяся ориентиром для развития как отдельных государств, так и международно-правовой системы в целом. Большинство современных государств – членов международного сообщества, несмотря на их разнообразие, в том числе политического, экономического, социального и цивилизационного характера, рассматривают принцип верховенства прав и свобод человека и гражданина как наивысшую ценность.

Начиная с принятия Устава ООН вся вторая половина XX века прошла для человечества под знаком все возрастающего в обществе и современных государствах понимания того, какой абсолютной и безусловной ценностью для отдельного человека и общества в целом являются права человека, которые обусловлены человеческой природой, должны быть неотъемлемы и неотчуждаемы, не должны отрицаться и ущемляться.

В результате этого осознания и благодаря интенсивному развитию позитивного международного права, на разных уровнях – международно-правовом (универсальный и региональный), а также отдельных национальных правовых систем была сформирована система стандартов, что актуализировало проблему их соотношения, согласования, установления приоритетов, а также необходимость эффективной имплементации универсальных стандартов в региональные и национальные.

Несмотря на частое употребление данной дефиниции в современной юриспруденции и правовой практике, до сих пор не существует ее единого понимания. С позиции позитивизма международные стандарты прав человека в современном международном праве являются специфической категорией, отражающей и развивающей один из основных принципов – принцип уважения и защиты прав и свобод человека.

Кроме того, нельзя не обращать внимание на более глубокий смысл, сущность международных стандартов прав человека, ведь это не просто нормы, развивающие принцип, не

просто международно-правовые обязательства, это общечеловеческие ценности, уважение которых является не только юридической, но и высочайшей нравственной обязанностью современных государств, ориентиры развития современного общества.

Международные стандарты прав человека отличаются от других социальных стандартов: во-первых, они характеризуются тем, что определяют права, присущие всем людям в силу их «человечности», т.е. человеческой природы (они не могут быть приобретены, получены силой или иным образом, они приобретаются человеком только с рождением); неотъемлемые и в равной степени применимые ко всем. Во-вторых, основные обязанности, вытекающие из международных стандартов прав человека, ложатся на государства как таковые и на органы государственной власти, а не на отдельных лиц¹.

Универсальные и региональные стандарты и системы защиты прав человека

Международные стандарты прав человека являются универсальными, им присущ универсализм, который можно рассматривать в двух аспектах: во-первых, они распространяются на всех без исключения людей вне зависимости от каких либо признаков, что отражается во многих правовых документах (субъективный критерий); во-вторых, обращаясь к наработанной терминологии, с точки зрения сферы действия прав (стандартов) их также принято дифференцировать на две группы: универсальные и региональные (территориальный критерий). Универсальные стандарты прав человека закреплены в универсальных международно-правовых актах, принятых всеми или большинством стран мира, и касаются всего населения Земли, прежде всего они связаны с деятельностью Организации Объединенных Наций. Универсализм международных стандартов прав человека основан на Уставе ООН и детализирован в Декларации о принципах международного права, принятой Генеральной Ассамблеей ООН 24 октября 1970 г.

¹ The concept of human rights: definitions and classifications. URL: www.humanrights.is/en/human-rights-education-project/human-rights-concepts-ideas-and-fora/part-i-the-concept-of-human-rights/definitions-and-classifications.

Определяя значение универсальных стандартов прав человека, необходимо отметить, что они имплементированы в национальное законодательство многих государств, формируют основы Конституций и общей концепции национальных правовых систем. Современный мир достаточно динамичен, находится в постоянном развитии и совершенствовании, как следствие развиваются правовые системы, принимаются новые правовые акты, как на национальном, так и на международном уровнях.

Важно также то, что универсальные международные стандарты прав человека сегодня выступают в качестве базиса для дальнейшего развития всей системы прав человека с учетом углубленного их толкования и новых социальных реалий. Современные международные стандарты прав человека обуславливают меру должного поведения государств, его уполномоченных органов. При этом необходимо отметить, что в современной юриспруденции встречаются разные оценки универсальных стандартов прав человека. Сторонники универсализма в области прав человека, полагающие, что международные стандарты, выработанные на межгосударственном уровне, применимы ко всем без исключения государствам, преимущественно исходят из концепции, в рамках которой человек рассматривается как биологическое существо [6, с. 187], сквозь призму природных, а не культурологических факторов. Следовательно, перечень прав, установленный для одного человека, будет применим ко всем людям. Однако общие стандарты, хотя и выработанные большинством государств мира, все же встречают некое сопротивление при их применении в национальных правовых системах отдельных государств, прежде всего в рамках правовых семей традиционно-религиозной ориентации, в связи с чем представляется важным рассмотреть концепцию культурного релятивизма, обратную универсальной.

Релятивисты исходят из особенностей культурного, исторического, религиозного развития государств [5, с. 57], вследствие чего общий перечень прав, по определению, не может быть применим ко всем государствам, что позволяет говорить о важности возникновения региональных стандартов прав человека. Именно в силу перечисленных отличительных

особенностей государства, находящиеся в одном географическом регионе (например, материковой зоне), объединяются в региональные системы, обеспечивая на региональном уровне защиту прав своих граждан (подданных) на основе соответствующих межгосударственных документов¹. Примечательно, что эти документы закрепляют схожий универсальный перечень прав человека, выработанный на уровне международных документов, что свидетельствует об активном и успешном процессе универсализации правовых норм в области защиты прав человека [8, с. 65].

Представляется, что прерогатива в исполнении универсального перечня прав человека, закрепленного на уровне международных документов, должна оставаться личным делом каждого государства, иначе это ведет к вмешательству в его внутренние дела [8, с. 63]. Последнее тесно связано с принципом территориальной неприкосновенности и политической независимости государств, закрепленным в пункте 4 статьи 2 Устава ООН². Принцип невмешательства во внутренние дела государства может быть нарушен лишь в целях поддержания международного мира и безопасности (п. 7 ст. 2 Устава ООН).

Однако на уровне международно-правовых актов скорее действует принцип добровольного соблюдения всеми государствами стандартов для обеспечения и защиты прав человека. Так, в статье 5 Венской декларации (1993 г.) указывается, что международное сообщество должно относиться к этой задаче глобально, на справедливой и равной основе, с одинаковым подходом и вниманием. Далее говорится, что, хотя

¹ *Европейская конвенция по правам человека* от 4 ноября 1950 г. URL: http://www.echr.coe.int/Documents/Convention_RUS.pdf; *Американская конвенция о правах человека* (1969). URL: <http://hrlibrary.umn.edu/russian/instree/Rzoas3con.html>; *Африканская хартия прав человека и народов* (1981). URL: <http://hrlibrary.umn.edu/russian/instree/Rz1afchar.html>; *Арабская хартия прав человека и народа в арабском мире*. URL: <http://constitutions.ru/?p=512>; *Декларация АСЕАН о правах человека* (2012). URL: <http://constitutions.ru/?p=8333>; *Конвенция Содружества Независимых Государств о правах и основных свободах человека* (заклучена в Минске 26 мая 1999 г.) (вместе с «Положением о Комиссии по правам человека Содружества Независимых Государств» (утв. 24 сент. 1993) // Рос. газета. 1995. 23 июня.

² *Устав Организации Объединенных Наций* (принят в Сан-Франциско 26 июня 1945 г.) // Сб. действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностр. государствами. 1956. Вып. 1. С. 14 – 47.

значение исторических, культурных и религиозных особенностей необходимо иметь в виду, все же государства независимо от них несут обязанность по поощрению и защите прав человека и основных свобод¹. Справедливой видится мысль А. А. Созонтова: если соблюдение международных стандартов будет зависеть исключительно от культурной традиции, это может привести к попранию, нарушению прав человека [11, с. 38].

Таким образом, единый международный подход в области защиты прав человека на уровне всего мирового сообщества способствует сближению государств в данном вопросе, а также объективному следованию стран к гармонизации норм, воплощенных в преамбулах международных документов. При этом региональные стандарты гармонично дополняют универсальные, в том числе способствуя учету соответствующих культурологических особенностей отдельных государств.

Возникает закономерный вопрос относительно целесообразности региональных стандартов.

Учитывая цивилизационную разнородность современных государств, идеи культурного релятивизма, считаем, что существование региональных стандартов объективно и необходимо; надо согласиться с позицией, что дополнение универсального уровня сотрудничества в области прав человека региональным «дает возможность учитывать политические, исторические, экономические особенности региона и отражать их в принимаемых документах» [9 с. 42].

Также исследователи отмечают, что, «имея особенности, вытекающие из традиций, уровня развития конкретной группы стран», региональные стандарты в области прав и свобод человека могут идти дальше универсальных, «быть более широкими либо конкретными (например, стандарты, принятые в рамках общеевропейского процесса)» [9, с. 33].

Среди прочего региональные стандарты могут предлагать более эффективные механизмы правовой защиты прав человека, особенно

если учесть, что «международные стандарты в сфере защиты прав человека отображаются в неукоснительных и рекомендательных актах и не всегда выделяются лучшими по сравнению с национальными актами правовыми защитными свойствами»². В связи с этим региональные стандарты и соответствующие региональные системы прав человека, опирающиеся на региональные инструменты и механизмы, в настоящее время играют все более важную роль в деле обеспечения и защиты прав.

Еще одной причиной, по которой следует считать целесообразным существование региональных стандартов прав человека наряду с универсальными международными стандартами прав человека, является то, что региональные документы по правам человека (например, договоры, конвенции, декларации) помогают локализовать международные нормы и стандарты в области прав человека, отражая конкретные проблемы прав человека в конкретном регионе³.

Как правило, выделяются три наиболее устойчивые в настоящее время региональные системы защиты прав человека, опирающиеся на разработанные в соответствующих регионах стандарты прав человека, – европейская, американская и африканская. Однако авторы настоящего исследования считают, что потенциально возможно выделить шесть региональных систем, сформированных и функционирующих с различной степенью эффективности в различных географических регионах: Европейскую, Межамериканскую, Африканскую, Арабскую, Азиатскую и систему, существующую в рамках Содружества Независимых Государств.

Вместе с тем, оценивая системы прав человека с позиции эффективности, стоит отметить, что в современном мире сформированы две эффективные системы международных стандартов прав человека: универсальная и европейская, являющиеся определенным ориентиром для остальных региональных систем, эволюционирующих с учетом цивилизационных

¹ Венская декларация и Программа действий (приняты на Всемирной конференции по правам человека в Вене 25 июня 1993 г.). URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/viennec93.shtml.

² *Пособие по образованию в области прав человека с участием молодежи. Юридическая защита прав человека.* URL: <https://www.coe.int/ru/web/compass/legal-protection-of-human-rights>.

³ *A Rough Guide to the Regional Human Rights Systems.* URL: www.universal-rights.org/human-rights-rough-guides/a-rough-guide-to-the-regional-human-rights-systems.

особенностей соответствующих регионов и отдельных национальных правовых систем.

Именно на примере данных систем (универсальной и европейской) будут рассмотрены вопросы дискриминации в отношении прав женщин как одной из уязвимых категорий субъектов.

Права женщин как уязвимой категории субъектов и их юридическое содержание в международном праве

Долгое время женщины не рассматривались в качестве полноценных субъектов. В XIX веке женщины начали активизироваться и добиваться юридического оформления, обеспечения и защиты своих прав в различных сферах. По мере развития данного движения стали возникать различные проблемы, в том числе проблема дискриминации прав женщин, что на сегодняшний день остается актуальной и требует анализа. Данный факт подтверждается также целями устойчивого развития, одна из которых – обеспечение гендерного равенства, для достижения которой необходимы: ликвидация всех форм дискриминации в отношении всех женщин и девочек, ликвидация всех форм насилия в отношении всех женщин и девочек в публичной и частной сферах, признание и оценка неоплачиваемого труда по уходу и работу по ведению домашнего хозяйства и т. д.

На уровне международных стандартов, начиная с концептуального понимания «прав человека», создана эффективная юридическая основа обеспечения соответствующих прав: уже в 1948 году Всеобщая декларация прав человека закрепила всеобщее равенство людей: «все люди рождаются свободными и равными в своих правах» (ст. 1); провозгласила равенство людей независимо от каких-либо особенностей, критериев: «каждый человек должен обладать всеми правами и всеми свободами, провозглашенными настоящей Декларацией, без какого бы то ни было различия, как-то в отношении расы, цвета кожи, пола, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, имущественного, сословного или иного положения» (ст. 2)¹.

¹ *Всеобщая декларация прав человека* (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 дек. 1948 г.) // Рос. газета. 1995. № 67.

В свою очередь, Конвенция о защите прав человека и основных свобод, основной международно-правовой акт Совета Европы, синхронизируется с положениями Всеобщей декларации прав человека и закрепляет права общего (универсального) характера, касающиеся всех лиц, без разделения на мужчин, женщин и детей, кроме того, вводит запрет дискриминации².

В Европейской социальной хартии, юридически оформляющей гарантии в сфере труда, предоставляются: право на равные возможности и равное обращение в сфере занятости и профессиональной деятельности без дискриминации по признаку пола, на равную заработную плату, а также право работников с семейными обязанностями на равные возможности и равное обращение с другими работниками³.

Одним из наиболее важных специальных документов в сфере юридического оформления прав женщин является Декларация о ликвидации дискриминации в отношении женщин 1967 года, перед которой стоит задача искоренения неравенства в правовом аспекте между мужчинами и женщинами: «Дискриминация в отношении женщин приводит к отрицанию или ограничению ее равноправия с мужчинами, являясь несправедливостью и представляя собой преступление против человеческого достоинства»⁴.

Декларация предусматривает весь перечень прав, которых женщина длительное время не имела или которые ущемлялись: политические права; право на приобретение и изменение гражданства; гражданские права, касающиеся наследования имущества, управления, пользования и распоряжения имуществом; право на свободное передвижение; равные с мужчинами права на образование и др. Особо важными следует считать принятие законодательных мер, пресекающих все виды торговли женщинами и использования проституции.

² *Европейская Конвенция о защите прав человека и основных свобод* (принята в Риме 4 ноября 1950 г.) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

³ *Европейская социальная хартия* (принята в Страсбурге 3 мая 1996 г.) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

⁴ *Декларация о ликвидации дискриминации в отношении женщин* (принята 7 ноября 1967 г. Резолюцией 2263 на 1597-м пленарном заседании 22-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин, принятая 18 декабря 1979 года, вносит существенные дополнения по отношению к Декларации о ликвидации дискриминации в отношении женщин 1967 года и, что очень важно, расширяет спектр механизмов защиты прав женщин¹.

На универсальном уровне не последнюю роль в разработке международных правовых актов в исследуемой сфере, помимо Организации Объединенных Наций, играет Международная организация труда (далее – МОТ), регламентирующая правовое положение граждан в сфере труда. Особенность состоит в том, что при выработке любой конвенции или рекомендации для всеобщего применения Конференция Международной организации труда обязана считаться со странами, в которых климат, недостаточный уровень экономического развития или другие специфические обстоятельства создают существенно различные экономические условия. Конференция в таком случае предлагает такие изменения, которые она считает необходимыми ввиду особых условий этих стран, что указано в пункте 3 статьи 19 Устава Международной организации труда².

Обращает на себя внимание конвенционная основа, являющаяся базовой при регулировании труда женщин, к числу основных конвенций относятся: Конвенция МОТ № 3 «Об охране материнства» 1919 г.; Конвенция МОТ № 4 «О труде женщин в ночное время» 1919 года; Конвенция МОТ № 100 «О равном вознаграждении мужчин и женщин за труд равной ценности» 1951 года; Конвенция МОТ № 111 «О дискриминации в области труда и занятий» 1958 года; Конвенция МОТ № 156 «О работниках с семейными обязанностями» 1981 года; Конвенция МОТ № 175 «О работе в условиях неполного времени» 1994 года; Конвенция МОТ № 177 «О надомном труде» 1996 года; Конвенция МОТ № 183 «О защите материнства» 2000 года.

Также заслуживает внимания Конвенция о согласии на вступление в брак, брачном возрасте и регистрации браков 1962 года – это договор Организации Объединенных Наций о стандартах брака. Главенствующими в данной Конвенции являются положения, касающиеся брачного возраста вступающих в брак и наличия полного и обоюдного согласия брачующихся, изъявленное ими лично³. Помимо того, эти положения можно отнести к существенным с точки зрения применения для женщин, ибо в настоящее время по-прежнему существуют случаи насильственного замужества несовершеннолетних девочек, что идет вразрез с нормами Конвенции. По данным управления Верховного комиссара ООН во всем мире более 650 миллионов женщин вышли замуж в детском возрасте⁴, что свидетельствует о недостаточном внимании к этой проблеме со стороны современных государств.

Конвенция о гражданстве замужней женщины 1957 года оставляет за женщиной право сохранить свое гражданство будучи замужем за гражданином другого государства, даже в случае если супруг воспользуется возможностью изменения гражданства. Также, согласно Конвенции, отказ супруга от своего гражданства и приобретение гражданства другой страны не влияет на гражданство женщины. Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (1979 г.) подтвердила вышеперечисленные положения, но в дополнение к отсутствию дискриминации в отношении женщин подчеркивает запрет на принятие гражданства супруга⁵.

Отдельного внимания заслуживает Конвенция Совета Европы о предотвращении и борьбе с насилием в отношении женщин и домашним насилием, принятая в Стамбуле 11 мая 2011 г., в которой впервые была затронута тема домашнего насилия, а также указано, что наси-

¹ Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (принята 18 дек. 1979 г., с изм. от 22 мая 1995 г.) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

² Устав Международной организации труда (принят в 1919 г.) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

³ Конвенция о согласии на вступление в брак, брачном возрасте и регистрации браков (заключена в Нью-Йорке 10 дек. 1962 г.) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

⁴ COVID-19: угроза в борьбе с детскими браками. URL: <https://data.unicef.org/resources/covid-19-a-threat-to-progress-against-child-marriage/>.

⁵ Конвенция о гражданстве замужней женщины (принята резолюцией 1040 (XI) Генеральной Ассамблеи от 29 января 1957 г.). URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/married_women_nationality.shtml.

лие в отношении женщины – это определенный механизм, благодаря которому женщина получает подчиненное положение по отношению к мужчине.

Таким образом, в настоящее время с позиции юридического оформления в контексте международных и национальных стандартов права женщин в достаточной степени обеспечены, однако остаются проблемы, связанные с гендерной дискриминацией, в том числе в России и европейских государствах, о чем свидетельствует и практика международных контрольных институтов защиты прав.

Защита прав женщин в универсальных механизмах

Комитет по ликвидации дискриминации, учрежденный Конвенцией о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин, рассматривает проблемы дискриминации в областях жизни, указанных в Конвенции. Комитет является «уникальным и интересным учреждением, состоящим почти полностью из женщин, он резко переворачивает типичный гендерный баланс международных институтов» [13, р. 566].

Анализируя практику Комитета по ликвидации дискриминации в отношении женщин (далее – Комитет), можно выделить: наиболее острые вопросы в части: сексуальных домогательств; домашних насилий, приведших к смерти; сексуальной эксплуатации; дискриминации в сфере выплаты дотации на лечение; нарушения статей 2, 3, 6, 12, 14, 15, 16 Конвенции, устанавливающих незыблемость принципов равноправия мужчин и женщин, равенства мужчин и женщин в доступе к медицинскому обслуживанию, в частности в том, что касается планирования семьи, равенства мужчин и женщин перед законом, обеспечения на основе равенства мужчин и женщин: одинаковых прав на вступление в брак; одинаковых прав на свободный выбор супруга и на вступление в брак только по своему свободному и полному согласию; одинаковых прав и обязанностей в период брака и при его расторжении; одинаковых прав и обязанностей мужчин и женщин как родителей, независимо от их семейного положения, в вопросах, касающихся их детей; во всех случаях интересы детей являются преобладающими;

одинаковых прав свободно и ответственно решать вопрос о числе детей и промежутках между их рожденьями и иметь доступ к информации, образованию, а также средствам, которые позволяют им осуществлять это право; одинаковых прав и обязанностей быть опекунами, попечителями, доверителями и усыновителями детей или осуществлять аналогичные функции, когда они предусмотрены национальным законодательством; одинаковых личных прав мужа и жены, в том числе право выбора фамилии, профессии и занятия; одинаковых прав супругов в отношении владения, приобретения, управления, пользования и распоряжения имуществом, как бесплатно, так и за плату, а также запрет всех видов торговли женщинами и эксплуатации посредством проституции женщин.

Следует отметить, что, в силу статьи 7 Факультативного протокола к Конвенции о ликвидации дискриминации в отношении женщин, Комитет рассматривает полученные в соответствии с Факультативным протоколом сообщения с учетом всей информации, представленной ему отдельными лицами или группами лиц или от их имени и соответствующим государством-участником, если такая информация препровождена соответствующим сторонам¹.

Следует поддержать мнение van Leeuwen, что «дополнительную ценность Комитета по ликвидации дискриминации в отношении женщин имеет то, что это орган, который сосредоточен исключительно на правах женщин и как таковой обладает способностью действовать в качестве информатора, предупреждая другие наблюдательные органы о проблемах, затрагивающих осуществление женщинами прав человека, а также о гендерных ограничениях и обстоятельствах, которые необходимо устранить» [12, р. 247].

«Комитет по ликвидации дискриминации в отношении женщин является одним из существующих контрольных механизмов защиты и поощрения прав человека, которое не может принудительно обязать государство изменить

¹ Факультативный протокол к Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (принят резолюцией Генеральной Ассамблеи от 6 октября 1999 г.). URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/womendiscrim_prot.shtml.

свое национальное законодательство, с тем, чтобы оно не противоречило ратифицированной конвенции» [1, с. 92]. Комитет в своих общих рекомендациях № 19 и № 35 (2017) о гендерном насилии в отношении женщин представил новую редакцию общей рекомендации № 19, в соответствии с которой гендерное насилие, мешающее или вообще не позволяющее женщинам пользоваться правами человека и основными свободами в соответствии с общими нормами международного права или положениями конвенций о правах человека, является дискриминацией по смыслу статьи 1 Конвенции. Если государство-участник не принимает все необходимые меры для предотвращения актов гендерного насилия в отношении женщин в тех случаях, когда его органы власти знают или должны знать о существовании риска такого насилия, или не проводит расследования, не привлекает к ответственности, не наказывает виновных и не возмещает ущерб жертвам и пострадавшим от таких действий, то оно тем самым дает молчаливое согласие на совершение актов гендерного насилия в отношении женщин или поощряет их. Такая пассивность и такое бездействие составляют нарушение прав человека¹.

Так, например, дело CEDAW/c/69/D/103/2016: по сообщению № 103/2016 (жертва – госпожа Й. И., гражданка Финляндии) о непринятии государством-участником мер по предупреждению семейно-бытового насилия установлено, что государство-участник не считает семейно-бытовое насилие реальной и серьезной угрозой, что, в свою очередь, нарушает статью 1 Конвенции². Задача Комитета состояла в том, чтобы в свете положений Конвенции пересмотреть решения, принятые национальными органами власти в рамках их компетенции, и определить, принимали ли они во внимание при вынесении этих решений обязательства, вытекающие из Конвенции³.

¹ См. *Общая* рекомендация Комитета № 35, пункт 24 (подп. 2 b)).

² *Case of J.I. v. Finland* CEDAW/c/69/D/103/2016. URL: <https://juris.ohchr.org/Search/Results>.

³ *Мнения* в отношении сообщения № 103/2016 (принятые Комитетом в соответствии с п. 3 ст. 7 Факультативного протокола. URL: <https://docstore.ohchr.org/SelfServices/FilesHandler.ashx?enc=6QkG1d%2FPPrICAqhKb7yhsqJ5r9k%2BGtmWwpfPY20wmXUFNoDmvdxsBk9%2BcGvDkvR06wfHqNn1tWSuPqk58Fz%2BsDAJ%2BloPKlafAs2Dz6vIUv>

Государство-участник обязано принять все надлежащие меры, чтобы изменить или отменить не только действующие законы и положения, но и обычаи и практику, которые составляют дискриминацию в отношении женщин. Кроме того, в соответствии со статьей 16 (п. 1), государства-участники берут на себя обязательство принимать все соответствующие меры для ликвидации дискриминации в отношении женщин во всех вопросах, касающихся брака и семейных отношений. В этой связи Комитет подчеркивает, что стереотипы затрагивают право женщин на беспристрастность судебных процессов и что судебные органы не должны применять жесткие стандарты на основе предвзятых представлений о том, что следует считать насилием в семье. В данном случае Комитет считает, что при принятии решения об опеке над Е. А. органы власти действовали под влиянием стереотипных и, следовательно, дискриминационных представлений о семейно-бытовом насилии; это выразилось в том, что повторяющиеся факты одностороннего насилия со стороны Й. А. были расценены как разногласия между родителями с указанием на то, что оба родителя совершали насильственные действия; при этом нет никаких свидетельств в пользу такой трактовки, за исключением заявления, сделанного заявителем на следующий день после того, как она подверглась жестокому нападению; не придав значения уголовному приговору в отношении Й. А., органы власти возложили обязанности по опеке над ребенком на человека, склонного к насилию. Таким образом, органы власти не обеспечили должного контроля в соответствии с их обязательствами по статьям 2 а), с), d), e) и f), 15 а) и 16 (п. 1) d) и f) Конвенции⁴. Исходя из анализа решения по делу CEDAW/c/69/D/103/2016 Комитет призвал государство-нарушителя к проведению расследования по делу заявительницы, усилить применение правовой базы с тем, чтобы компетентные органы реагировали на ситуации, связанные с семейно-бытовым насилием, с должной осмотрительностью. Другое дело CEDAW/c/61/D/24/2009: гражданка Грузии

H8W1Yfc4bw8C9nmMI%2B7F1%2B4Dwxkp0Vma0gg6PeP1DYsw%3D%3D.

⁴ Там же.

сообщила о фактах насилия в отношении ее и детей со стороны супруга, начиная с ее изнасилования в июле 1987 г., до их брака, физического насилия в период нахождения в браке, особенно с 1996 года, о многочисленных жалобах, с которыми она обращалась в полицию. Кроме того, Комитет принимает к сведению подробную информацию, предоставленную истицей касательно жестокого отношения ее супруга к их детям, в частности сыну Т. и дочери У. Комитетом были признаны нарушения в части предоставления защиты женщине со стороны правоохранительных органов государства, что выразилось лишь в получении от супруга потерпевшей письменного заявления о несовершении более насилия в отношении своей жены и их общих детей, в решении прокуратуры Грузии не возбуждать уголовное дело даже после заявлений потерпевшей о повторяющемся физическом и сексуальном насилии. Действия участкового инспектора ограничивались воспитательными беседами с мужем потерпевшей¹. Комитет отметил, что органы власти государства-участника: не выполнили свои обязанности и не приняли соответствующие законодательные и другие меры, включая санкции, запрещающие насилие в отношении женщин в качестве одной из форм дискриминации в отношении женщин; не выполнили обязанность по юридической защите прав женщин на равной основе с мужчинами и не обеспечили с помощью компетентных судов и других государственных учреждений эффективную защиту женщин от дискриминации; не воздержались от совершения дискриминационных актов или действий в отношении женщин и не обеспечили, чтобы государственные органы и учреждения действовали в соответствии с этим обязательством; не приняли все соответствующие меры для ликвидации дискриминации в отношении женщин со стороны любого лица, организации или предприятия; и не приняли все соответствующие меры, включая законодательные, для измене-

ния или отмены действующих законов, постановлений, обычаев и практики, которые представляют собой дискриминацию в отношении женщин. Он также считает, что вышеупомянутые факты указывают на то, что государство-участник не выполнило свои обязанности и не приняло все соответствующие меры, с тем чтобы изменить социальные и культурные модели поведения мужчин и женщин в целях достижения искоренения предрассудков и упразднения обычаев и всей прочей практики, которые основаны на идее неполноценности или превосходства одного из полов или стереотипного восприятия роли мужчин и женщин².

Комитет достаточно часто отмечает наличие дискриминационного, стереотипного восприятия органами судебной власти, правоохранительными органами заявлений женщин о применении насилия и призывает устранять проблему недоверия к заявлениям, аргументам и свидетельствам женщин и недостаточность учета их значимости в тех случаях, когда женщины выступают в качестве сторон и свидетелей в суде, а также необходимость профессиональной подготовки судей, юристов и работников правоохранительных органов, работников прокуратуры по вопросам гендерного насилия, выявления насилия в семье, а также профессиональной подготовки по вопросам Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин.

Проблема насилия является основной в рамках деятельности Комитета по ликвидации дискриминации в отношении женщин, с 1989 года ведется статистика случаев насилия в отношении женщин, эта статистика имеет дифференциацию (семейное насилие, насилие на работе и т. д.). По данным ВОЗ около 736 миллионов женщин, или каждая третья женщина, в течение жизни сталкивалась с физическим или сексуальным насилием со стороны интимного партнера либо с сексуальным насилием со стороны другого лица, причем за последнее десяти-

¹ Case of X and Y v. Georgia CEDAW/c/61/D/24/2009. URL: <http://docstore.ohchr.org/SelfServices/FilesHandler.ashx?enc=6QkG1d%2fPPRiCAqhKb7yhsujVF1NesLff7bP5A183yazPxL2bwmgtTnSAbOmLofyFzoclvu7FSS%2bO1IRBeAL5pdU UcdLl8aQsSBiqsEOB%2bzS2cenohRbhhs1BCB3TzP4YRtlNV99sifJ%2b30z0Mr0%2fTTKtUa6htiLD%2bq%2fyN2s57X8%3d>.

² Case of X and Y v. Georgia CEDAW/c/61/D/24/2009. URL: <http://docstore.ohchr.org/SelfServices/FilesHandler.ashx?enc=6QkG1d%2fPPRiCAqhKb7yhsujVF1NesLff7bP5A183yazPxL2bwmgtTnSAbOmLofyFzoclvu7FSS%2bO1IRBeAL5pdU UcdLl8aQsSBiqsEOB%2bzS2cenohRbhhs1BCB3TzP4YRtlNV99sifJ%2b30z0Mr0%2fTTKtUa6htiLD%2bq%2fyN2s57X8%3d>.

тилетие этот показатель практически не изменился. Наиболее высокие показатели распространённости насилия со стороны интимного партнера в отношении женщин в возрасте 15–49 лет характерны для регионов Океании, Южной Африки и Африки к югу от Сахары, где они составляют 33–51 %. Самые низкие показатели зарегистрированы в Европе (16–23 %), Центральной Азии (18 %), Восточной Азии (20 %) и Юго-Восточной Азии (21 %)¹. В условиях чрезвычайных ситуаций любого характера, включая эпидемии, показатели насилия в отношении женщин, как правило, возрастают. Повышенному риску нередко подвергаются пожилые женщины и женщины с инвалидностью, которые нуждаются в особом внимании. За февраль 2020 г. управление полиции города Цзинчжоу в провинции Хубэй получило втрое больше жалоб на эпизоды семейного насилия, чем за такой же период предыдущего года². Несмотря на небольшой объем имеющихся данных, сообщения из Китая, Соединенного Королевства, Соединенных Штатов и других стран свидетельствуют³ о том, что с начала вспышки COVID-19 эпизоды насилия в семье участились⁴.

Управление Верховного комиссара ООН по правам человека высказалось в пользу необходимости перехода от подхода, «ориентированного на удовлетворение потребностей жертвы, к подходу, ориентированному на расширение прав и возможностей, включая требования в области образования, здравоохранения и гендерного равенства в рамках обязательства государства проявлять должную осмотритель-

ность в целях предотвращения насилия в отношении женщин»⁵.

Управление Верховного комиссара ООН по правам человека разработало рекомендации по гендерным стереотипам и международным стандартам в области прав женщин для судей и прокуроров национальных систем, которые пока доступны только на испанском языке, а также руководство по правам девочек и женщин в период COVID-19.

Защита прав женщин в Европейском суде по правам человека

Европейский суд по правам человека (ЕСПЧ) рассматривает различный спектр дел, связанный с нарушением прав человека, включая нарушение прав женщин. К сожалению, статистические данные Европейского суда по правам человека не показывают количество обращений женщин по нарушению их прав, соответствующую выборку и анализ можно сделать лишь по публикуемым постановлениям. Значительная часть дел относится к применению насилия в отношении женщин, где можно выделить домашнее насилие, насилие медицинского характера, к которому Европейский суд по правам человека относит действия медицинских работников, совершенные без разрешения женщины или когда она не могла четко понимать своих действий. Так, в материалах дела «Talpis v. Italy» о супружеском насилии, которому подвергалась заявительница, указано на совершение убийства супругом сына заявительницы и покушение на убийство самой заявительницы. Супруг заявительницы, страдавший алкоголизмом, совершил несколько насильственных нападения на заявительницу, после очередного нападения заявительница три месяца провела в группе защиты женщин, подвергшихся насилию. В результате – в 2013 году убит сын заявительницы и было покушение на ее убийство. Европейский суд по правам человека постановил, что имеет место нарушение статьи 2 Конвенции о праве на жизнь, а так как был убит сын заявительницы и совершено покушение на ее убийство, то нарушена статья 3 Конвенции о запрете бесчеловечного или унижающего достоинство обращения в связи с невыполнением властями своих обязательств по

¹ Повсеместная опасность: каждая третья женщина в мире подвергается насилию. URL: <https://www.who.int/ru/news/item/09-03-2021-devastatingly-pervasive-1-in-3-women-globally-experience-violence>.

² Bethany Allen-Ebrahimian «China's Domestic Violence Epidemic», Axios, March 7, 2020. URL: <https://www.axios.com/china-domestic-violence-coronavirusquarantine-7b00c3ba-35bc-4d16-afdd-b76ecfb28882.html>.

³ Так, например: Godin M. As Cities Around the World Go on Lockdown, Victims of Domestic Violence Look for a Way Out // Time, March 18, 2020. URL: <https://time.com/5803887/coronavirus-domestic-violence-victims/>.

⁴ Так, например: Women's Aid UK. The Impact of COVID-19 on Women and Children Experiencing Domestic Abuse, and the Life-Saving Services that Support Them. March 17, 2020. URL: <https://www.womensaid.org.uk/the-impact-of-covid-19-on-women-and-children-experiencing-domestic-abuse-and-the-life-saving-services-thatsupport-them/>.

⁵ Генеральная ассамблея ООН. Улучшение положения женщин: докл. Третьего комитета. URL: <https://undocs.org/pdf?symbol=ru/A/69/481>.

защите заявительницы от актов домашнего насилия. Было усмотрено нарушение статьи 14 о запрете дискриминации, в совокупности со статьями 2 и 3 Конвенции. Суд постановил, что насилие в отношении заявительницы должно рассматриваться как основанное на половом признаке, что равносильно дискриминации в отношении женщин. В частности, г-жа Тальпис стала жертвой дискриминации из-за бездействия властей, которые недооценили рассматриваемое насилие и, следовательно, одобрили данное насилие¹.

В делах о домашнем насилии Европейский суд по правам человека использует подход, отличный от Комитета по ликвидации дискриминации в отношении женщин, который домашнее насилие само по себе признает формой дискриминации в отношении женщин. Европейский суд по правам человека основывается на распространенности проблемы домашнего насилия, а также частого бездействия государственных органов как основной реакции на обращения в связи с домашним насилием.

Как уже было отмечено выше, при анализе практики Европейского суда по правам человека в рамках нарушения прав женщин отдельное внимание необходимо обращать на статью 14 «Запрещение дискриминации» Конвенции о защите прав человека и основных свобод (ЕКПЧ), в части дискриминации по гендерному признаку, которое, как правило, сопряжено с нарушением какой-либо иной статьи, отражающей область имевшего место нарушения, т. е. самого нарушения права.

Указанное выше зафиксировано в соответствующих положениях постановлений ЕСПЧ. Так, в решении по одному из резонансных дел ЕСПЧ указывает: «...автономность этой статьи <статья 14 ЕКПЧ> заключается лишь в том, что ее применение необязательно предполагает нарушение материально-правового положения» (дело «Кавкарис против Кипра» от 12.02.2008 г.). Более того, исходя из позиций суда в решениях по ряду иных дел («Расмуссен против Дании» 28.11.2010 г.; «Хамтоху и Аксенчик против России» от 24.01.2017 г.) при рассмотрении жалоб необходимо устанавливать, охватывается ли заявление о нарушении статьи 14 ЕКПЧ

сферой действия какого-либо гарантированного ЕКПЧ права. В этом и выражается указываемая комбинируемость. Согласно данным банка дел Европейского суда по правам человека наиболее часто комбинируемыми со статьей 14 статьями Конвенции (и протоколов к ней) являются: статья 8 (556 дел); статья 1 Протокола №1 (301 дело); статья 3 (233 дела); статья 2 (81 дело). Данная статистика является совокупной, так как, помимо признака пола, статья предусматривает дискриминацию по признакам расы, цвета кожи, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, принадлежности к национальным меньшинствам, имущественного положения, рождения и иные любые признаки. При этом выделение из нее решений только в отношении дискриминации по гендерному признаку представляется в значительной степени затруднительным, поскольку на данный момент критерии отбора дел в банке решений ЕСПЧ не располагают инструментами для такого выделения; кроме того, имеют место Постановления, вынесенные в отношении мужчин. В связи с этим есть основания полагать, что суду, в целом, свойственно довольно формальное отношение к указанной статье, что объясняется, в частности, небольшим количеством дел в практике.

Тем не менее в 2019 году было инициировано и осуществлено исследование по рассматриваемому вопросу – «Courting Gender Justice» («Гендерная справедливость в судебной практике»), в ходе которого установлено, что к октябрю 2019 года в практике ЕСПЧ в целом насчитывалось только 38 дел, по которым было установлено нарушение статьи 14 ЕКПЧ в части дискриминации по половому признаку.

В рамках настоящего исследования была предпринята аналогичная попытка установления фактического наличия и количества дел с фиксированным нарушением статьи 14 в аспекте половой дискриминации. Так, поиск происходил по ключевым словам: *sex* (пол), *sexual discrimination* (дискриминация по половому признаку), *gender discrimination* (дискриминация по гендерному признаку). Результаты поиска позволяют сделать вывод, что по состоянию на май 2021 г. количество дел с признанным нарушением статьи 14 не увеличилось.

¹ Case of Talpis v. Italy № 41237/14. URL: [https://hudoc.echr.coe.int/eng/#%7B%22itemid%22:\[%22001-171508%22\]%7D](https://hudoc.echr.coe.int/eng/#%7B%22itemid%22:[%22001-171508%22]%7D).

Исторически значимыми в деле защиты прав женщин, полагаем, можно считать следующие постановления Европейского суда по правам человека: дело «Опуз против Турции» (2009), в котором было обжаловано уклонение государства от принятия адекватных мер по защите от домашнего насилия; дело «S.A.S. против Франции» (2014), в котором Суд признал запрет на ношение в общественных местах религиозной одежды, закрывающей лицо, соответствующим Конвенции; «Маркс против Бельгии» (1978), повлекшее за собой кардинальные изменения в Европе в праве наследования незаконнорожденными.

Следует отметить, практика Европейского суда по правам человека в отношении защиты прав женщин в последнее время расширяется, в том числе в вопросах нарушения прав женщин на государственной службе. Так, в деле «Emel Boyraz v. Turkey» по заявлению № 61960/08 заявительница отмечает, что успешно сдала экзамен на право стать государственным служащим, после чего была назначена на должность офицера службы безопасности в отделении TEDAS государственной компании Electricity Company. Однако отдел кадров Компании сообщил заявительнице, что она не подходит на должность, поскольку не соответствует требованиям «быть мужчиной» и «пройти военную службу». На том же основании было отказано еще трем женщинам¹. Аналогично делу «Emel Boyraz v. Turkey» было рассмотрено дело «Hulya Ebru Demirel v. Turkey», поскольку Правительство Турции также посчитало, что женщины не способны противостоять риску и брать на себя обязанности сотрудников службы безопасности. Европейский суд по правам человека постановил, что имеется нарушение статьи 14 Конвенции о запрете дискриминации, а также статьи 8 о праве на уважение частной и семейной жизни. Европейским судом также было отмечено, что турецкими судами были проявлены чрезмерная продолжительность разбирательства, противоречивость решений, вынесенных Высшим административным судом, а также отсутствие адекватной аргументации судами. Суд пришел к заключению,

что работа в сельской местности в ночное время, использование огнестрельного оружия и применение физической силы, не могут служить основанием для определения разницы между мужчиной и женщиной. Кроме того, в материалах дела не имелось ни одного факта подтверждения того, что заявительница не могла выполнять свою работу из-за того, что являлась женщиной. Не было и обоснований того, почему именно мужчины подходят для данной работы. Кроме того, увольнение Эмель Бойраз со службы по признаку пола и квалификация по статье 8 говорит о том, что в отношении Бойраз было совершено вмешательство государственного органа (работодателя) в частную жизнь потерпевшей, так как дискриминация по признаку пола может привести к искаженному самовосприятию, заниженной самооценке, последующему страху самореализации в выбранной профессии и в дальнейшем может сказаться на личной жизни потерпевшей².

Таким образом, Европейский суд по правам человека усматривает дискриминацию в отношении женщин при отказе им в трудоустройстве на «мужские» профессии, когда как отсутствует объективное обоснование причин отказа в трудоустройстве, например четкие показатели, обоснованные определенными научными, медицинскими данными, для вынесения работодателем решения об отказе.

В деле «Juric v. Croatia» по заявлению № 54711/15 были нарушены права заявительницы на получение специальной страховой выплаты в связи с беременностью. Заявительница перенесла экстракорпоральное оплодотворение, и лечащие врачи рекомендовали ей воздержаться на время от работы. Через десять дней заявительница заключила трудовой договор с компанией N, еще через некоторое время она узнала, что экстракорпоральное оплодотворение прошло успешно. Заявительница подала ходатайство о выплате компенсации заработной платы в связи с беременностью, в которой ей было отказано на том основании, что когда заявительница приступила к работе, то она была непригодна для ее выполнения по состоянию здоровья, поскольку десятью днями ранее она перенесла экстракорпоральное оплодотворение.

¹ Case of Emel Boyraz v. Turkey № 61960/08 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

² Case of Hulya Ebru Demirel v. Turkey № 30733/08. URL: <https://laweuro.com/?p=7358>.

В связи с этим ее работа была признана фиктивной и направлена лишь на получение материальной льготы, в том числе компенсации заработной платы во время ее отсутствия на работе из-за осложнений, связанных с беременностью. Высший административный суд Хорватии отклонил заявление, также указав на то, что заявительница не могла лично выполнять работу из-за беременности и, следовательно, заключенный ею и работодателем трудовой договор направлен на получение материальной выгоды в связи с беременностью. Европейский суд по правам человека установил, что имеет место нарушение статьи 14 (запрет дискриминации), поскольку обращение с женщинами на основании беременности является дискриминацией по признаку пола, только если такое обращение не является оправданным. Кроме того, суд выявил, что соответствующие органы имеют право проводить проверку фактических оснований для страховых выплат, но зачастую такие проверки оказываются направленными против беременных женщин, в результате чего последние приобретают статус «подозрительных». Судом были отклонены попытки уличить в мошенничестве заявительницу, так как она уже имела четырнадцатилетний стаж работы и внесла свой вклад в национальный фонд медицинского страхования. Суд также обратил внимание на то, что заявительница не могла заключить «мошеннический» договор, поскольку не могла точно знать в данный момент о своей беременности. Дискриминационными признаны судом заявления Правительства Хорватии о том, что «женщины в период беременности должны отказаться от всяческой работы», а следовательно, не имеют право на трудоустройство¹.

Таким образом, Европейский суд по правам человека выявил проблему, которая имеет место во многих странах: попытка уличить беременных женщин в мошенничестве, связанном с трудоустройством, а именно в заключении трудовых договоров с целью получения необходимых социальных выплат, полагающихся беременным. Поэтому беременные женщины опасаются трудоустраиваться в период беременности, так как знают о возможном отказе со стороны работодателей.

Аналогичная ситуация может быть выявлена в ходе анализа практики в Российской Федерации. В практике Комитета по ликвидации дискриминации женщин от Российской Федерации было подано четыре сообщения относительно случаев дискриминации женщин. Три из них касались домашнего насилия: CEDAW/C/73/D/100/2016 (решение принято 16 07.2019 г.), CEDAW/C/68/D/91/2015 (решение принято 06.11.2017 г.) и CEDAW/C/72/D/65/2014 (решение принято 25 01.2019 г.).

Автор сообщения CEDAW/C/72/D/65/2014, Ш. Т., гражданка Российской Федерации 1959 года рождения, утверждает, что РФ нарушила ее права, предусмотренные пунктами «с» и «d» статьи 2, рассматриваемыми в совокупности со статьей 1 и пунктом «а» статьи 5 Конвенции, так как власти не смогли предотвратить и эффективно расследовать случаи применения жестокого физического и психологического насилия, совершенного в отношении нее ее бывшим мужем, господином Тимаговым (сообщение в КЛДЖ № CEDAW/C/72/D/65/2014, 2014 г.). 12 декабря 2009 г. муж применил к заявительнице физическое насилие – он избивал ее лопатой до тех пор, пока она не потеряла сознание, о чем она и сообщила в полицию. 27 декабря 2010 г. муж ударил автора сообщения топором по голове, после чего скрылся. Суд пришел к выводу, что «в ходе судебного разбирательства (процедуры развода и раздела семейного имущества) жертва [автор] продолжала унижать и мучительным образом оскорблять обвиняемого и его вторую жену, что привело к обострению конфликта. Нервный срыв господина Тимагова, произошедший 27 декабря 2010 г., стал результатом того, что обвиняемый длительное время находился в психотравматической ситуации, возникшей в связи с систематическими оскорблениями со стороны жертвы» (сообщение в КЛДЖ № CEDAW/C/72/D/65/2014, 2014 г.). Автор, не согласившись с приговором суда и исчерпав все внутринациональные средства правовой защиты, обратилась в КЛДЖ. Она утверждает, что не могла просить о выдаче охрannого ордера или запретительного судебного приказа, так как такие меры не предусмотрены законодательством РФ. Она также не могла временно пребывать в

¹ Case of Juric v. Croatia № 54711/15. URL: <https://laweuro.com/?p=7317>.

приюте или обратиться за помощью в кризисный центр по причине отсутствия таких учреждений в ее городе. Автор также высказалась о том, что «традиционные взгляды, в соответствии с которыми женщины рассматриваются как подчиненные мужчинам, способствуют росту насилия в отношении женщин, и решения, подобные вынесенному по ее делу, усиливают эти стереотипные представления». В своих выводах относительно данного сообщения Комитет отметил, что в своих итоговых замечаниях по восьмому периодическому докладу государства-участника (CEDAW/C/RUS/CO/8), он рекомендовал государству-участнику – Российской Федерации «в срочном порядке принять всеобъемлющее законодательство для предотвращения и пресечения насилия в отношении женщин, включая семейно-бытовое насилие, предусмотреть преследование *ex officio* за семейно-бытовое и сексуальное насилие и гарантировать женщинам и девочкам, ставшим жертвами насилия, незамедлительный доступ к средствам возмещения ущерба и защиты, а также привлечение виновных лиц к судебной ответственности и наказание их надлежащим образом». Комитет также выразил сожаление о декриминализации нанесения побоев в национальном законодательстве РФ.

Защита трудовых прав женщин в российских судах

В рейтинге стран мира по уровню гендерного неравенства Россия занимает 54-е место из 162 стран, что является достаточно низким показателем. Данный рейтинг высчитывается по нескольким показателям, одним из которых является экономическая активность и возможности на рынке труда¹.

Согласно докладу Мирового экономического форума разница в заработной плате мужчин и женщин составляет 51 %, что говорит о существовании данной проблемы в современном мире [7]. Это напрямую связано с реализацией права на труд и проявлением свободы труда. Есть три составляющие, которые требуют анализа: право на труд, свобода труда и ре-

ализация права на труд применительно к определенному особому субъекту – женщинам.

По данным ООН в мире женщины составляют порядка 70 % работников в целом. Они несут несоразмерное бремя обязанностей по уходу за детьми, престарелыми и инвалидами, в период пандемии эта нагрузка возросла.

Трудовые отношения, а также трудовые права, в том числе и трудовые права женщин, регламентирует Конституция РФ. Статья 37 Конституции РФ закрепляет право на труд в соответствующих требованиям санитарно-гигиенических условиях, право на отдых, на запрет принудительного труда и на трудовые споры². Так как женщина является полноправным субъектом трудовых отношений, то данные положения распространяются на нее так же, как и на других работников. Пункт 1 статьи 38 Конституции РФ указывает на защиту материнства и детства, а также на охрану семейных ценностей³. Материнство и детство являются конституционными ценностями, которым должна предоставляться охрана на законодательном уровне. В связи с этим женщина является особым субъектом трудовых отношений, для которого законодательно установлены дополнительные гарантии. Термин «уязвимые категории» используется в отношении детей, отдельных категорий женщин, инвалидов, трудящихся-мигрантов, беженцев, национальных меньшинств, коренных народов и др.

Категория «уязвимость» указывает на причину уравнивания в правах «уязвимых групп» с общим субъектом трудовых отношений и наделяет их дополнительными правами, это выражается в предоставлении дополнительных гарантий. Защита прав уязвимых групп в международном праве неразрывно связана с понятиями равенства и недискриминации. В настоящее время все универсальные и региональные международные договоры о правах человека, а равно и национальное законодательство содержат запрет дискриминации. Однако для уязвимых групп, которые дли-

¹ Рейтинг стран мира по уровню гендерного неравенства. URL: <https://gtmarket.ru/ratings/gender-inequality-index>.

² Конституция Российской Федерации: принята всенар. голосованием 12 дек. 1993 г. (с учетом поправок, внесенных законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 01.07.2020 № 11-ФКЗ) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2020. № 31.

³ Там же.

тельный период времени подвергались дискриминации, формального запрета дискриминации недостаточно. Необходимо создать специальные условия для того, чтобы они фактически смогли воспользоваться своими правами, облегчить и ускорить для них доступ к осуществлению прав человека [4]. Сложность в правоприменении может возникнуть при реализации этих прав. Реализация права на прямую зависит от свободы и гарантий реализации права, предоставленных государством. Если говорить о свободе в общем ее понимании – это одно из наиболее емких, сложных и многогранных понятий, включающее различные аспекты, в том числе юридический, который материализуется в праве. Право же является официальным мерилom действующей свободы, определяющей границы должного и возможного. Сводя вопрос рассмотрения прав и свобод к трудовым отношениям, в частности к праву на труд, следует отметить, что оно (право на труд) коррелируется со свободой труда, являющейся основополагающим принципом трудового права. По мнению Л. Ю. Бугрова, принципы права важны для реализации права, особенно для правоприменительной практики, так как помогают в толковании законодательства, что способствует восполнению пробелов в праве, преодолению коллизий, конкретизации, ограниченному и расширительному толкованию, установлению аналогии права и закона [3]. Принцип свободы труда является ключевым в доктрине трудового права ввиду того, что эта свобода неотъемлемо присуща человеку на протяжении всей трудовой жизни и носит естественный характер. Современная конституционная трактовка данного принципа свидетельствует о том, что это конституционный правовой принцип, выражающийся в принадлежности лицу исключительной возможности распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию [10]. Межотраслевой принцип свободы труда в рамках трудового права реализуется через принцип свободы трудового договора, который рассматривается как предоставленная лицу возможность распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию, а также возможность отказаться как от заключения

конкретного трудового договора, так и вообще от участия в трудовой деятельности. Обращают на себя внимание нормы статьи 64 ТК РФ относительно гарантий, связанных с заключением трудового договора, которые не позволяют работодателю необоснованно отказать в заключении трудового договора, в том числе беременным женщинам и женщинам, имеющим детей. Традиционно в юридической науке свобода договора как правовой принцип рассматривается в трех аспектах: во-первых, в признании граждан и юридических лиц свободными в заключении договора; во-вторых, в предоставлении сторонам возможности заключать любой договор, как предусмотренный, так и не предусмотренный законом или иными правовыми актами; в-третьих, в свободе сторон определять условия заключаемого ими договора, в том числе и построенного по указанной в законодательстве модели [2]. Можно ли говорить, что свобода договора при применении статьи 64 ТК РФ в отношении работодателя ограничена? Полагаем, следует согласиться с мнением Т. В. Русских, указывающей, что законодательное регулирование договорной свободы должно осуществляться с учетом защиты соответствующих особо значимых охраняемых законом интересов, недопущения грубого нарушения баланса интересов сторон. Даже в рамках гражданского права ограничение свободы договора необходимо для защиты наиболее слабой стороны договора, обеспечения баланса интересов его сторон. Следовательно, ограничения права работодателя на реализацию принципа свободы договора нет ввиду того, что работник является более слабой стороной возникающих отношений. В правоприменительной практике имеет место скрытая дискриминация женщин: им отказывают в приеме на работу по мотивам, связанным с беременностью или наличием детей. Работодатели используют конструкцию свободы договора и не достигают соглашений по условиям трудового договора, что приводит к его незаключению. При использовании такой конструкции у работника не появляется основания обратиться за защитой нарушенного права. Доказать намеренность и злоупотребление правом со стороны работодателя весьма затруднительно, на что

указывает отсутствие судебной практики по аналогичным спорам.

В правоприменительной практике встречаются случаи отказа в приеме на работу в порядке перевода беременным женщинам и женщинам, имеющим детей, что является дискриминационным проявлением. Статьей 64 ТК РФ установлен запрет на необоснованный отказ от заключения трудового договора. Кроме того, запрещается отказывать в заключении трудового договора работникам, приглашенным в письменной форме на работу в порядке перевода от другого работодателя, в течение одного месяца со дня увольнения с прежнего места работы. В соответствии с пунктом 10 постановления Пленума ВС РФ от 17 марта 2004 г. № 2 «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации», запрещается отказывать в заключении трудового договора по обстоятельствам, носящим дискриминационный характер, в том числе женщинам по мотивам, связанным с беременностью или наличием детей (ч. 2 и 3 ст. 64 ТК РФ), работникам, приглашенным в письменной форме на работу в порядке перевода от другого работодателя, в течение одного месяца со дня увольнения с прежнего места работы (ч. 4 ст. 64 ТК РФ). Согласно правовой позиции, изложенной в пункте 27 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 января 2014 г. № 1 «О применении законодательства, регулирующего труд женщин, лиц с семейными обязанностями и несовершеннолетних», с учетом положений части второй статьи 261 Трудового кодекса Российской Федерации срочный трудовой договор не может быть расторгнут до окончания беременности. Состояние беременности подтверждается медицинской справкой, предоставляемой женщиной по запросу работодателя, но не чаще чем один раз в три месяца. Согласно правовой позиции Конституционного Суда РФ, изложенной в определении № 343-О от 4 ноября 2004 г., нормы Трудового кодекса РФ предоставляют беременным женщинам повышенные гарантии, направленные на обеспечение поддержки материнства и детства в соответствии со статьями 7 (ч. 2) и 38 (ч. 1) Конституции РФ. Такого рода повышенная защита предоставляется законодателем беременным женщинам как нуждающимся в

особой социальной защищенности в сфере труда, чтобы, с одной стороны, предотвратить возможные дискриминационные действия недобросовестных работодателей, стремящихся избежать в дальнейшем необходимости предоставления им отпусков по беременности и родам, отпусков по уходу за ребенком, иных предусмотренных законодательством гарантий и льгот в связи с материнством (гл. 41 Трудового кодекса РФ), а с другой – в силу того, что даже при наличии запрета отказывать в заключении трудового договора по мотивам, связанным с беременностью или наличием детей (ч. 3 ст. 64 ТК РФ), поиск работы для беременной женщины чрезвычайно затруднителен.

На основании разъяснений, данных в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 17 марта 2004 г. № 2, при рассмотрении трудовых дел судам следует учитывать, что, в силу частей 1 и 4 статьи 15, статьи 120 Конституции РФ, статьи 5 ТК РФ, части 1 статьи 11 ГПК РФ, суд обязан разрешать дела на основании Конституции РФ, Трудового кодекса РФ, других федеральных законов, иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права, а также на основании общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации, являющихся составной частью ее правовой системы, учитывая все юридически значимые факты и обстоятельства при осуществлении увольнения в порядке перевода и оснований, послуживших для отказа в приеме на работу.

Одним из дискриминационных проявлений в отношении беременных женщин и женщин, имеющих детей, можно назвать неверное применение норм процессуального права со стороны судов при отказе в восстановлении срока исковой давности, связанного с восстановлением на работе. Весьма показательным является определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 5 августа 2019 г. № 16-КГ19-2. Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ в данном случае рассматривала дело в качестве кассационной инстанции. Работница Подшивалина Е. С. обратилась в суд с иском к работодателю АО «Газпром центрэнергогаз» о восстановлении на работе, взыскании среднего заработка за время вынужденного прогула, пособия

по беременности и родам, единовременного пособия при рождении ребенка, дополнительного пособия и расходов на оплату услуг представителя. Суд первой инстанции отказал в восстановлении пропущенного срока на обращение с иском в суд, и в связи с этим было отказано в удовлетворении исковых требований, суд апелляционной инстанции оставил решение суда первой инстанции без изменений. Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации приходит к выводу, что судами первой и апелляционной инстанций были существенно нарушены нормы материального и процессуального права, выразившиеся в неправильном применении статьи 392 ТК РФ, связанной со сроком на обращение в суд за разрешением индивидуального трудового спора об увольнении¹.

Частью 1 статьи 392 Трудового кодекса Российской Федерации предусмотрено, что работник имеет право обратиться в суд за разрешением индивидуального трудового спора в течение трех месяцев со дня, когда он узнал или должен был узнать о нарушении своего права, а по спорам об увольнении – в течение одного месяца со дня вручения ему копии приказа об увольнении либо со дня выдачи трудовой книжки. При пропуске по уважительным причинам сроков, установленных частями 1, 2, 3 статьи 392 Трудового кодекса Российской Федерации, они могут быть восстановлены судом (ч. 4 ст. 392 ТК РФ).

В абзаце пятом пункта 5 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17 марта 2004 г. № 2 «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации» разъяснено, что в качестве уважительных причин пропуска срока обращения в суд могут расцениваться обстоятельства, препятствовавшие данному работнику своевременно обратиться с иском в суд за разрешением индивидуального трудового спора (например, болезнь истца, нахождение его в командировке, невозможность обращения в суд вследствие причин непреодолимой силы, необходимость осуществления ухода за тяжелобольными членами семьи).

Таким образом, суд может восстановить срок, если он был пропущен по уважительным причинам. Истица полагала, что в данном случае для этого были все основания: с 19 июня по 21 ноября она была временно нетрудоспособна в связи с беременностью и родами. Суд первой инстанции исходил из того, что с приказом об увольнении Подшивалина Е. С. была ознакомлена 30 мая 2017 г., однако в суд с требованиями о признании увольнения незаконным она обратилась только 24 ноября 2017 г.

Суд первой инстанции счел, что нетрудоспособность Подшивалиной Е. С. в период с 19 июня по 21 ноября 2017 г. не является уважительной причиной пропуска срока на обращение в суд за разрешением спора об увольнении, сославшись на справку главврача медицинской организации, в которой женщина находилась под врачебным наблюдением в период беременности, суд заключил, что нетрудоспособность не препятствовала ей реализовать свое право на судебную защиту. С данными выводами суда первой инстанции и их правовым обоснованием согласился суд апелляционной инстанции².

По мнению Верховного суда Российской Федерации, нижестоящие инстанции не учли положения Конституции РФ, устанавливающие гарантии прав женщины на материнство, на заботу о детях и их воспитание, на сохранение условий, обеспечивающих выполнение ею социальных функций. Приоритетными обязанностями для истицы в период беременности являлась защита ее здоровья, а после родов – уход за ребенком.

Перечень уважительных причин, при наличии которых пропущенный срок для обращения в суд за разрешением индивидуального трудового спора может быть восстановлен судом, законом не установлен. Приведенный в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17 марта 2004 г. № 2 «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации» перечень уважительных причин пропуска срока обращения в суд исчерпывающим не является.

¹ *Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 05.08.2019 г. №16-КГ19-21* [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² *Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 05.08.2019 г. №16-КГ19-21* [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Судам, при разрешении вопроса относительно восстановления срока исковой давности, следует учитывать положения Конституции Российской Федерации, устанавливающие гарантии прав женщины на материнство, на заботу о детях и их воспитание, на сохранение условий, обеспечивающих выполнение ею социальных функций, связанных с материнством и детством, и оставлять без внимания обстоятельство, связанное с состоянием беременности на момент увольнения, ибо приоритетным обстоятельством, подлежащим учету, для работницы является защита здоровья в период беременности и после рождения ребенка – забота и уход за новорожденным ребенком.

Следовательно, беременность и роды, вследствие чего женщина становится нетрудоспособной, являются уважительной причиной пропуска срока на обращение в суд, что представляется логичным, ибо статьей 38 Конституции РФ определено: материнство и детство находятся под защитой государства. Подобное толкование уважительности причины пропуска срока подачи искового заявления позволит беременным женщинам защитить свои права даже по прошествии определенного периода времени, в течение которого женщина сфокусирована только на своем здоровье и здоровье своего ребенка.

Согласно трудовому законодательству Российской Федерации, увольнение беременной работницы не допускается по инициативе работодателя. Следует указать, что правовую норму статьи 261 ТК РФ можно отнести к трудовой льготе, направленной на обеспечение поддержки материнства и детства (ч. 2 ст. 7 и ч. 1 ст. 38 Конституции Российской Федерации). Не имеет правового значения то обстоятельство, было или не было работодателю известно о состоянии беременности увольняемого работника. Исходя из буквального толкования положений части 1 статьи 261 ТК РФ запрет на увольнение беременных женщин в зависимости от осведомленности работодателя не ставится, а отсутствие у работодателя сведений о беременности увольняемого работника не является основанием для отказа в удовлетворении иска о восстановлении на работе.

Таким образом, дискриминационные проявления в отношении беременных женщин и

женщин, имеющих детей, связанных с приемом и увольнением, очевидно прослеживаются в правоприменительной практике.

Среди женщин можно увидеть своеобразный спрос на работу, которая для них запрещена. Это подтверждает статистика ООН, из чего следует, что за последние 15 лет на 33% выросло количество обращений женщин в суды за отказ в приеме на работу по желаемой, но запрещенной для женщин деятельности¹. В данном контексте обосновано сокращение в четыре раза перечня работ и должностей, запрещенных для женщин, утвержденного приказом Минтруда России от 18 июля 2019 г. № 512н «Об утверждении перечня производств, работ и должностей с вредными и (или) опасными условиями труда, на которых ограничивается применение труда женщин». В рамках исследуемой темы можно привести Конвенции Международной организации труда (далее – МОТ): «О равном вознаграждении мужчин и женщин за труд равной ценности» от 29 июня 1951 г., «О ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин» от 18 декабря 1979 г., «О безопасности и гигиене труда и производственной среде» от 22 июня 1981 г.; Пекинскую декларацию 4–15 сентября 1995 г., Конвенция № 156 «О равном обращении и равных возможностях для трудящихся мужчин и женщин: трудящиеся с семейными обязанностями» от 23 июня 1981 г., и другие международные акты. Основные ценности международных правовых актов непосредственно реализуются в законодательстве РФ. Например, положения Конвенции «О ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин» закреплены: в Трудовом кодексе РФ в статье 3 «Запрещение дискриминации в сфере труда», в том числе по половому признаку; в Кодексе административных правонарушений РФ в статье 5.62; в Уголовном кодексе РФ в статье 145. Также защита от дискриминации женщин в трудовых отношениях соблюдается путем предоставления дополнительных гарантий. В частности, это касается случаев, когда женщина находится в более уязвимом положении: беременность, рождение

¹ Емельяненко В. Эксперты рассказали, что ждет женщин после сокращения числа запрещенных профессий. URL: <https://rg.ru/2021/05/02/eksperty-rasskazali-chto-zhdet-zhenshchin-posle-sokrashcheniia-chisla-zapreshchennyh-professij.html>.

ребенка, наличие детей в возрасте до полутора и до трех лет. Несмотря на предоставление дополнительных гарантий женщинам, Россия также заинтересована в устойчивом развитии, одной из целей которого является обеспечение гендерного равенства в отношении девочек и женщин. В данном контексте равенство достигается путем введения ответственности за действия дискриминирующего характера в отношении женщин, а также предоставления дополнительных гарантий, которые являются неотъемлемой частью борьбы с дискриминацией.

Дополнительные правила регулирования в части охраны труда женщин устанавливаются подзаконными правовыми актами, в частности приказом Минтруда России от 18 июля 2019 г. № 512н «Об утверждении перечня производств, работ и должностей с вредными и (или) опасными условиями труда, на которых ограничивается применение труда женщин». Данный перечень содержит запрет на работы, которые могут оказать негативные воздействия на репродуктивное здоровье женщин. С 1 января 2021 г. действует новый перечень, который был сокращен в четыре раза. Министр труда и социальной защиты РФ Максим Топилин отметил, что, во-первых, в настоящее время в этом перечне присутствуют отдельные профессии и виды работ, которые априори не применяются в современном производстве, и, во-вторых, перечень требует актуализации в связи с автоматизацией технологических процессов, связанной с применением современного оборудования на рабочих местах¹. После вступления упомянутого Приказа в силу 6 марта 2021 года на официальном сайте мэра Москвы извещалось об обучении и работе женщин-машинистов электропоезда в г. Москве. Данная новость свидетельствует об интересе женщин к ранее запрещенным профессиям, а также о том, что сокращение перечня запрещенных для женщин профессий действительно было оправданным шагом, в том числе в плане обеспечения гендерного равенства. Тем не менее интересно, что в рамках политики в области труда женщин государство все же заинтересовано в сокращении труда женщин на предприятиях с вредными и опас-

ными условиями труда, а также в улучшении таких условий, которые должны создаваться работодателем (данное мнение отражено в Национальной стратегии действий в интересах женщин на 2017–2022 гг.).

Дополнительные условия по охране труда, соответствующие санитарно-гигиеническим требованиям, содержатся в «СанПиН 2.2.0.555-96. 2.2. Гигиена труда. Гигиенические требования к условиям труда женщин. Санитарные правила и нормы», которые устанавливают нормы грузоподъемности для женщин и иные показатели, которые должны соблюдаться условиями труда на рабочем месте.

На уровне Министерства труда РФ действует Национальная стратегия действий в интересах женщин на 2017–2022 годы, в рамках которой проанализированы вопросы социального статуса женщин, соблюдения их трудовых прав с приведением статистики. Стратегия ставит перед собой задачи по обеспечению трудовых прав женщин, дополнительной поддержке беременных женщин, женщин с детьми. Указанная Стратегия стала важным документом, так как является планом по реализации политики государства в области прав женщин. Кроме того, Стратегия с учетом статистических данных отражает эффективность существующих мер по охране труда женщин. В результате к 2022 году одними из ожидаемых результатов реализации Стратегии будут сокращение разницы в оплате труда мужчин и женщин, а также сокращение количества рабочих мест с вредными и (или) опасными условиями труда, на которых работают женщины².

В рамках анализа законодательства можно сделать вывод о том, что Российская Федерация следует стандарту равного положения мужчин и женщин в обществе. Об этом свидетельствуют ратифицированные Россией международные акты. Российское законодательство пытается поддерживать недискриминирующий характер правовых отношений, устанавливая ответственность, в том числе уголовно-правовую, за нарушение трудового законодательства в области прав женщин, а также предоставле-

¹ Министр Максим Топилин: завершается пересмотр перечня «запрещенных» профессий для женщин. URL: <https://mintrud.gov.ru/labour/safety/287>.

² Об утверждении Национальной стратегии действий в интересах женщин на 2017–2022 годы: распоряжение Правительства РФ от 8 марта 2017 г. № 410-р // Собр. законодательства. 2017. № 11.

ние дополнительных гарантий для защиты материнства и детства, так как это является важным и приоритетным направлением в развитии государства, что закреплено в Конституции РФ. Тем не менее, несмотря на упомянутые ценности и стремление к защите прав женщин, на реальное положение женщин в России влияют множество негативных факторов. Государство ставит перед собой задачу в рамках национальной политики обеспечить достойное положение женщин в обществе, осуществляя различные мероприятия.

Заключение

Международные стандарты прав человека за последние семьдесят лет стали основой современного международного гуманитарного права, в широком его понимании, стали ценностными ориентирами развития государственности в современном мире. Они являются универсальными как с точки зрения субъектов на которые распространяются, так и в территориальном аспекте. Права человека должны быть равными для всех без исключения, вне зависимости от признаков тех или иных субъектов, а также цивилизационных особенностей развития стран или групп государств и их правовых систем.

Международные стандарты прав человека закрепляются как в универсальных международных договорах, так и в соглашениях регионального характера, отражающих специфику цивилизационного развития групп государств. В целом можно говорить, что универсальность перечисленных международно-правовых актов в области прав человека определяется не только общечеловеческим характером тех прав, которые в них закреплены и регламентированы (субъектный критерий), но и всеохватностью их содержания и всеобщим характером юрисдикции распространения положений данных актов (территориальный критерий). Кроме того, региональные стандарты гармонично дополняют универсальные, в том числе способствуя учету соответствующих культурологических особенностей отдельных государств.

Для повышения эффективности реализации международных стандартов прав человека государства формируют механизмы и, как

следствие, системы защиты прав человека, соответственно универсальные и региональные. С точки зрения эффективности системы защиты прав человека наиболее эффективными в настоящее время являются универсальная и европейская, их можно брать за основу в рамках анализа как общей системы прав человека, так и прав отдельной группы лиц, например женщин, детей, инвалидов, мигрантов и любой иной уязвимой категории.

В современных реалиях сформирован единый международный подход в области защиты прав человека, включая защиту прав женщин как уязвимой категории, что основано на множественности принципов международного права, нашедших закрепление в Конвенциях ООН и МОТ, на уровне всего мирового сообщества, способствуя сближению государств в целях сотрудничества и гармонизации отношений в вопросах правоприменения. Нельзя забывать о том, что международные стандарты оказывают непосредственное влияние на национальные правовые системы (не отрицая и обратного влияния), что приводит к их синхронизации посредством имплементации норм международного права.

Признано, что права женщин нуждаются в более детальной регламентации, обеспечении и защите начиная с национальных правовых систем, которые не всегда готовы обеспечить и защитить даже юридически оформленные права, и, как следствие, на уровне универсальных и региональных механизмов, которые предусматривают более серьезную правовую защиту, так как осуществляют контроль за государствами в вопросах обеспечения и защиты соответствующих прав.

Несмотря на детальное юридическое оформление международных стандартов прав женщин, остаются проблемы, связанные с их обеспечением и защитой на различных уровнях: прежде всего это связано с гендерной дискриминацией, в том числе в России и европейских государствах, о чем свидетельствует, практика универсальных и европейского международных контрольных институтов защиты прав.

Анализируя практику международных механизмов, в первую очередь Комитета по ликвидации дискриминации в отношении женщин и Европейского суда по правам человека, необ-

ходимо отметить основные проблемные аспекты – вопросы насилия в отношении лиц женского пола и дискриминацию в трудовых отношениях, которые относятся к наиболее сложным с точки зрения определения правовой грани между злоупотреблением правом и нарушением права как со стороны обвинения, так и со стороны защиты. Анализ российской правовой действительности подтверждает данный вывод и преимущественно соотносится с проблемными аспектами международно-правового регулирования.

При анализе практики Европейского суда по правам человека в рамках нарушения прав женщин, в связи с универсальным характером Конвенции о защите прав человека и основных свобод в части субъектов, на которых она распространяется, отдельное внимание необходимо обращать на статью 14 «Запрещение дискриминации» в части дискриминации по гендерному признаку, что, как правило, сопряжено с нарушением какой-либо иной статьи, отражающей область имевшего место нарушения, т. е. непосредственно нарушения права.

Анализ национального законодательства показывает, что Российская Федерация следует стандарту равного положения мужчин и женщин в обществе, о чем свидетельствуют ратифицированные (имплементированные) Россией международные акты. Российское законодательство поддерживает недискриминационный характер правовых отношений, субъектами которых выступают женщины, устанавливая ответственность за применение насилия и нарушение трудового законодательства в области прав женщин, а также предусматривает предоставление дополнительных гарантий защиты материнства и детства, так как это является важным и приоритетным направлением в развитии государства, что закреплено в Конституции РФ. Тем не менее судебная практика свидетельствует о том, что не всегда права женщин должным образом обеспечиваются и защищаются и, как следствие, женщины, вынуждены обращаться в международные инстанции за защитой своих прав. Однако можно говорить об оптимизации юридического оформления, обеспечения и защиты в рамках национальной правовой системы.

Библиографический список

1. Бекашев Д. К., Микрина В. Г. Особенности международно-правовой защиты трудовых прав женщин // Московский журнал международного права. 2016. № 4. С. 82–92.
2. Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Общие положения 3-е изд., стереотип. М.: Статут, 2001. Кн. 1. 848 с.
3. Бугров Л. Ю. Проблемы свободы труда в трудовом праве России. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1992. 236 с.
4. Васильева Ю. В., Шуралева С. В. Возраст как фактор уязвимости работника в трудовом праве // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2020. Вып. 49. С. 550–575. DOI: 10.17072/1995-4190-2020-49-550-575.
5. Гилязова Д. М. Феномен культурного релятивизма в области защиты прав человека // Права и свободы человека в контексте развития современного государства: материалы Всерос. науч.-теорет. конф. Краснодар, 2017. С. 56–58.
6. Ижигов М. Ю. Культурный релятивизм как проблема взаимодействия международного и внутригосударственного права в области защиты прав человека // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2012. Вып. 1. С. 184–191.
7. Костенко Е. П., Кузнецова С. Ю. Инструменты преодоления гендерного неравенства на рабочем месте: опыт Франции // Journal of Economic Regulation (Вопросы регулирования экономики). Южный Федеральный университет. Т. 10, № 4. 2019. С. 103–116.
8. Мингазов Л. Х. Универсализм прав человека и культурное многообразие мира // Ученые записки Казанского университета. Серия «Гуманитарные науки». 2008. Т. 150, кн. 5. С. 61–72.
9. Права человека / под ред. С. А. Балашенко [и др.]. Минск: Юнипак, 2015. 200 с.
10. Русских Т. В. К вопросу о свободе трудового договора и ее ограничении // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2015. Т. 25, вып. 4. С. 137–140.
11. Созонтов А. А. Свобода мысли и выражения убеждений через призму международного права, религиозных норм и культурного релятивизма // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. 2014. № 5. 38 с.

12. Leeuwen F. van. Women's Rights are Human Rights. Cambridge University Press. 2013. 247 p.

13. Hodson L. Women's Rights and the Periphery: CEDAW's Optional Protocol // European Journal of International Law. 2014. Vol. 25, Issue 2. Pp. 561–578.

References

1. Bekyashev D. K., Mikrina V. G. Osobennosti mezhdunarodno-pravovoy zashhity trudovykh prav zhenshin [Some Features of International Legal Protection of Women's Labor Rights]. *Moskovskiy zhurnal mezhdunarodnogo prava* – Moscow Journal of International Law. 2016. Issue 4. Pp. 82–92. (In Russ.).

2. Braginskiy M. I., Vitryanskiy V. V. Dogovornoe pravo. Obshhie polozheniya [Contract Law. General Provisions]. 3rd ed., stereotype. Moscow, 2001. Book 1. Pp. 75–76. (In Russ.).

3. Bugrov L. Yu. Problemy svobody truda v trudovom prave Rossii [Problems of Freedom of Labor in the Labor Law of Russia]. Perm, Perm State University, 1992. 236 p. (In Russ.).

4. Vasil'eva Yu. V., Shuraleva S. V. Vozrast kak faktor uyazvimosti rabotnika v trudovom prave [Age as a Factor of Employee's Vulnerability in Labor Law]. *Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki* – Perm University Herald. Juridical Sciences. 2020. Issue 49. Pp. 550–575. DOI: 10.17072 / 1995-4190-2020-49-550-575. (In Russ.).

5. Gilyazova D. M. Fenomen kul'turnogo relyativizma v oblasti zashhity prav cheloveka [The Phenomenon of Cultural Relativism in the Field of Human Rights Protection]. *Prava i svobody cheloveka v kontekste razvitiya sovremennogo gosudarstva: materialy Vserossiyskoy nauch.-teoret. konf.* [Human Rights and Freedoms in the Context of the Modern State Development: Proceedings of the All-Russian Scientific and Theoretical Conference]. Krasnodar, 2017. Pp. 56–58. (In Russ.).

6. Izhikov M. Yu. Kul'turnyy relyativizm kak problema vzaimodeystviya mezhdunarodnogo i vnutrigosudarstvennogo prava v oblasti zashhity prav cheloveka [Cultural Relativism as a Problem

of Interaction between International and Domestic Law in the Field of Human Rights Protection]. *Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki* – Perm University Herald. Juridical Sciences. 2012. Issue 1. Pp. 184–19. (In Russ.).

7. Kostenko E. P., Kuznetsova S. Yu. Instrumenty preodoleniya gendernogo neravenstva na rabochem meste: opyt Frantsii [Tools of Overcoming Gender Inequality in the Workplace: Experience of France]. *Voprosy regulirovaniya ekonomiki* – Journal of Economic Regulation. 2019. Vol. 10. Issue 4. Pp. 103–116. (In Russ.).

8. Mingazov L. Kh. Universalizm prav cheloveka i kul'turnoe mnogoobrazie mira [Universalism of Human Rights and the World's Cultural Diversity]. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki*. 2008. Issue 5. Pp. 61–72. (In Russ.).

9. *Prava cheloveka* [Human Rights]. Ed. by S. A. Balashenko et al. Minsk, 2015. 200 p. (In Russ.).

10. Russkikh T. V. K voprosu o svobode trudovogo dogovora i ee ogranichenii [On the Freedom of an Employment Contract and Its Restriction]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya «Ekonomika i pravo»* – Bulletin of Udmurt University. Series Economics and Law. 2015. Vol. 25. Issue 4. Pp. 137–140. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-svobode-trudovogo-dogovora-i-ee-ogranichenii>. (In Russ.).

11. Sozontov A. A. Svoboda mysli i vyrazheniya ubezhdeniy cherez prizmu mezhdunarodnogo prava, religioznykh norm i kul'turnogo relyativizma [Freedom of Thought and Expression of Belief through the Prism of International Law, Religious Norms and Cultural Relativism]. *Elektronnoe prilozhenie k Rossiyskomu yuridicheskomu zhurnalu* – Electronic Supplement to the Russian Juridical Journal. 2014. Issue 5. pp. 36–40. (In Russ.).

12. Leeuwen F. van. Women's Rights are Human Rights. Cambridge University Press, 2013. 247 p. (In Eng.).

13. Hodson L. Women's Rights and the Periphery: CEDAW's Optional Protocol. *European Journal of International Law*. 2014. Vol. 25. Issue 2. Pp. 561–578. (In Eng.).

Информация об авторах:

Е. Р. Брюхина, кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры гражданского
и предпринимательского права

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Пермский филиал
614017, Россия, г. Пермь, ул. Студенческая, 38

ORCID: 0000-0003-1229-5865

ResearcherID: J-2899-2015

Е. С. Третьякова, кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры гражданского
и предпринимательского права

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Пермский филиал
614017, Россия, г. Пермь, ул. Студенческая, 38

ORCID: 0000-0001-5303-8633

ResearcherID: I-5781-2015

Y About the authors:

E. R. Bryukhina

National Research University
‘Higher School of Economics’ – Perm Branch
38, Studencheskaya st., Perm, 614017, Russia

ORCID: 0000-0003-1229-5865

ResearcherID: J-2899-2015

E. S. Tretyakova

National Research University
‘Higher School of Economics’ – Perm Branch
38, Studencheskaya st., Perm, 614017, Russia

ORCID: 0000-0001-5303-8633

ResearcherID: I-5781-2015